

Непонятый сигнал

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1. -- М.: Правда, 1977.
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 14 апреля 2003 года

{1} -- Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

На "Орле" все господа офицеры носы повесили и только что спустились вниз, в кают-компанию, после парусного учения, словно в воду опущенные. Рассердился адмирал, начальник эскадры, собравшийся в Нагасаки, -- известный в те далекие времена, о которых идет речь, как отчаянный "разноситель", вспыльчивый и необузданный человек, приходивший иногда в раздражение из-за пустяков.

Парусное ученье на всей эскадре прошло, казалось, хорошо, и адмирал был доволен, но под конец он вдруг насупился и стал мрачен. Густые брови адмирала сдвинулись.

А когда адмирал сердился и начинал, по выражению моряков, "штормовать", то даже самые храбрые, с воловьими нервами, люди испытывали некоторый страх и мысленно зывали ко господу богу: "Господи! За что это он рассердился? Успокой, боже, адмиральскую душу!"

Но несмотря, однако, что подобные моления искренне и горячо возносились решительно всеми офицерами на корвете, где "сидел", то есть имел свое местопребывание, адмирал, -- начиная с капитана, пожилого, смелого моряка, не боявшегося океанских штормов, но трусившего, как огня, начальства, и кончая младшим механиком, -- господь бог адмиральскую душу не смягчил.

Состояние духа адмирала, видимо, приближалось к "штормовому". Барометр быстро падал, предвещая бурю.

Быстрой и нервной походкой ходил адмирал взад и вперед по шканцам среди царившей вокруг тишины, наблюдаемый зорким и испуганным взглядом молодого вахтенного офицера, замершего на мостике. Адмирал ходил, словно негодующий зверь в клетке, весь вздрагивал, кричал, снимал с своей седой, стриженной под гребенку, головы фуражку и судорожно мял ее в своих толстых коротких пальцах, словно желая уничтожить эту белую фуражку.

"Начинается!" -- подумал молодой офицер, не спуская очарованных глаз с адмирала, словно робкая антилопа перед страшным боа{151}, готовым схватить ее.

Но адмирал не обращал ни малейшего внимания на трепетавшего в ожидании "разноса" мичмана и продолжал ходить. По временам с его уст вылетали отрывистые выражения самого морского характера. Он был по этой части настоящий виртуоз и такой, что боцмана и матросы только ухмылялись, дивясь его неистощимой фантазии.

Из себя адмирал был кряжистый, сутуловатый, небольшого роста, сильный и крепкий человек, лет за пятьдесят, пользовавшийся репутацией лихого и бесстрашного моряка. Лицо энергичное, резкое, крупное, загорелое, гладко выбритое, с колючими усами и с парой черных круглых глаз. Глаза эти, выпуклые, с кровяными жилками на белках, казалось, вот-вот сейчас выскочат и съедят вас живьем... По крайней мере такое впечатление производили они на моряков, когда адмирал начинал штормовать. Во время штиля глаза эти, напротив, были мягкие, добрые и приветливые.

Матросы благоразумно удалились на бак и оттуда посматривали, что будет дальше. И страшно и в то же время любопытно было глядеть на гневного адмирала. Матросы хоть и боялись его, но были расположены к нему. Он не порол, не дрался, заботился о людях и был главным образом лишь грозой офицеров.

-- Гляди, ребята, -- шепотом говорил молодой рыжий матросик Аким Чижов, попавший из деревни в "кругосветку", -- как ен шапку-то дерет. Гляди, братец ты мой! -- возвысил голос Аким.

-- Тише, дурень, тише... Неравно услышит! -- отвечал чуть слышно товарищ, толкая Чижува в